

ОБ АЛАНСКО-АРИЙСКИХ КОРРЕЛЯЦИЯХ

ГУРГЕН АКОПОВ

Несмотря на вполне обоснованные отождествления «арья» с древними формами названия иранцев, основанные на этом концепции о существовании особой этнической общности ариа-иранцев не находят подтверждения ни в данных источников, ни в тех реконструированных нами «Основных принципах древнеиранской историко-эпической традиции классификации народов»¹, которые отвергают возможность того, чтобы древние могли мыслить категориями этнических общностей и тем более объединять расселяющиеся от Гиндукуша до гор Армении и от Персидского залива до Южной Сибири народности в одну, именно ариа-иранскую этническую общность. Но оказалось, кроме того, что при всей продуктивности свизведения арийской проблемы с заоблачных высот «общих соображений» индоевропейской теории на почву конкретных фактов это имело и то отрицательное последствие, что, ограниченная рамками иранистики, арийская проблема изучалась изолированно, вне связи с аналогичными иранскому аризмю социальными явлениями в истории других народов. Имея целью устранить эту узость, данная статья выдвигает на первый план вопрос изучения иранского аризма в сопоставлении с данными так называемой аланской проблемы. Интерес алаю-арийских корреляций определяется тем, во-первых, что аланы рассматриваются как родственная ариа-иранская восточноиранская народность и тем, во-вторых, что исторически они появились почти одновременно с такими арийскими народностями, как мидийцы, арсы и особенно родственные им по одинаковой, согласно данным Юстина (XLI, 1), скифской принадлежности парфянскими ариями. Особенно важно отметить, что все данные указывают на этимологические связи элемента «арья» и основы названия алан—элемента «ал».

Изучая процесс распада этнолингвистической общности первобытных индоевропейцев², известный немецкий лингвист XIX в. Э. Лотцер установил, что процесс этот сопровождался такими явлениями в артикулярном базисе индоевропейских языков, которые привели к тому, что звукам «р» и «л» других индоевропейских языков в иранском стал соответствовать один лишь звук «р»³. Вопрос о закономерном характере соответствия «р»—«л» рассмотрен у нас советским иранистом В. И. Абаевым в статье «О фонеме «л» в осетинском»⁴, и нам остается сказать, что, исходя из этой закономерности соответствия «р»—«л», в очерке «К вопросу об «арья» в древнеиранском обиходе» мы высказали мысль о соответствии «арья» скифо-аланскому «ал», и оказалось, что

¹ Г. Б. Акопов, К вопросу об «арья» в древнеиранском обиходе («Страны и народы Ближнего и Среднего Востока», вып. VIII, Иран, Ереван, 1975, с. 165—192).

² В. Порциг, Членение индоевропейской языковой области, М., 1964.

³ „Kuhn's Zeitschrift“, № 7, 1853, S. 18, 161.

⁴ «Иранская филология», М., 1964.

эта мысль была высказана еще Э. Бретшнейдером в его «Медиаважных исследованиях»⁵. Более того, опираясь на высказывания Брейтшнейдера, В. Ф. Минорский счел возможным утверждать, будто «алан» первоначально означало «ариец»⁶.

Как видно, дело не в отождествлении алан с ариями, — далее мы увидим, что аланство сформировалось в условиях кочевого скотоводческого хозяйства степняков Туранского плоскогорья почти одновременно с тем, когда в пригодных для земледельческой оседлости районах Иранского нагорья и прилегающих территорий на арену исторической активности начали выходить арии. Несмотря на разность хозяйственно-бытовых условий, аланство и аризм, как социальное явление, были порождены одними и теми же историческими процессами одной и той же исторической эпохи. Но отсюда следует не только возможность, но и необходимость привлечь к изучению арийской проблемы аланские материалы, тем более, что в силу известной консервативности экстенсивного скотоводческого хозяйства и особенно кочевого быта аланы долгое время сохраняли те важные и для арийской проблемы особенности своей «этнографии», которые у ушедших в своем развитии вперед арийских народов давно были перемолоты классовыми отношениями и уравнены государственностию.

Обращаясь в этом плане к аланской проблеме, начнем с высказанного еще греческим историком II в. Дионом Кассием мнения о массагетском происхождении алан, которое получило широкое распространение в современной науке и поддержку советского этнографа А. Л. Мадзуевича в его работе «Аланская проблема и этногенез народов Средней Азии». Разделяя это мнение, мы считаем, однако, нужным уточнить, что тезис массагетского происхождения алан можно и даже, кажется, должно интерпретировать не в традиционно этнологическом плане, а в том социально-историческом аспекте, в котором выдающийся советский этнограф акад. С. П. Толстов интерпретировал тезис массагетского происхождения родственных аланам эфталитов: возведя присущую им археологическую культуру Джети-Асара в низовьях Сырь-Дарьи к сако-массагетам того же района. Толстов заключал, что здесь имела место не смена древних массагетов античными эфталитами, а «этническая трансформация» массагетов в эфталитов. Нечто аналогичное этому произошло и с аланами, о которых римский историк Аммиан Марцеллин говорит, что аланы в истории появились «на месте прежних массагетов»⁷. К сожалению, ни Аммиан, ни кто-либо другой из его современников не сообщают никаких сведений о том, как происходила эта «трансформация». В данном случае нам помогают положения работы Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» о разложении первобытнообщинного строя и его перехода к обществу классовых отношений. Как известно, первобытнообщинный строй характеризовался тем, что каждая его родо-племенная единица представляла из себя институт, по выражению Ф. Энгельса, «самодействующей вооруженной организации»⁸, каждый способный носить оружие член которой был вой-

⁵ E. Bretschneider, *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources*, vol. II, London, 1910, p. 87.

⁶ В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда X—XI вв.*, М., 1963, с. 194.

⁷ Аммиан Марцеллин, *История* в 31 книге, пер. с лат. Ю. Кулаковского и А. Соца, Киев, 1906, XXXI, 2, 12 (в дальнейшем ссылки на эту работу см. в тексте).

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 21, с. 170.

ном, и не было поэтому отделенной от народа публичной власти. Поэтому, когда речь заходит о разложении первобытнообщинного строя, когда, как говорит Ф. Энгельс, «из организации племен для свободного регулирования своих внутренних дел он превращается в организацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его органы из орудий народной власти превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения»⁹, — то имеют в виду в первую очередь вооруженную силу родо-племенных единиц, которая на первых порах еще «по традиции» используется родо-племенной аристократией в своих целях, а затем и вовсе превращается в собственность аристократов. Геродот рассказывает о распространенном среди персидских аристократов «обычае» дарить не только друг другу, но и любовницам... вооруженные отряды (IX, 109). Этот процесс лишения родового общества военных функций протекал с тем большей интенсивностью, чем глубже заходил процесс, по выражению Ф. Энгельса, «вырождения древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и па море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращения их в регулярный промысел»¹⁰, когда соответственно этому военное дело из обязанностей всех членов родового общества превращалось в занятие специализирующихся на военном деле профессиональных воинов-разбойников. Конечный результат этого процесса у саюк-маасагетов зафиксирован Аммианом Марцеллином. Рассказывая об аланах Приаралья, он пишет, что все они «вследствие разнообразных упражнений являются «дельными воинами», поклоняются богу войны Марсу и наибольшее удовольствие им доставляют опасности войны» (XXXI, 2, 9). В цитированных словах привлекает внимание то, что, называя алан «дельными воинами», Аммиан не только указывает на то, что в процессе социальной дифференциации первобытного общества шла специализация военного дела и образование особого элемента «дельных воинов», но и нацеливает на разъяснения о связях названия алан с этим понятием.

Обращаясь в этом плане к этимологии названия «алан», отметим, что объяснение начального «ал», видимо, следует искать в осетинском феодальном титуле «алдар» (предводитель, князь), этимология которого знаток восходящих к скифо-аланской эпохе осетинских древностей известный советский иранист В. И. Абаев в своем исследовании «Осетинский язык и фольклор» возводит к скифо-аланскому «алдар»¹¹, которое М. Н. Боголюбов в совместной с О. И. Смирновой работе «Согдийские документы с горы Муг» этимологизирует от «ал» и элемента «дар», передающего понятие «соблюдения, держания и предводительствования»¹². Но если «алдар» означает «князь, военный предводитель», очевидно, что предводительствуемые им «алы» должны были быть воинами. В несколько искаженной огласовкой форме «ел» это наименование воинов — «алов» отразилось и в иранских языках.

Но, имея в виду соответствие «р» — «л», мы вправе ожидать эту форму «ер» в собственно иранских языках, тем более, что «эр» в значении «воин, мужчина» отразился в языке средневековых тюркских обитателей районов, где в древности жили ираноязычные скифо-аланы; судя по этому, тюркское «эр» можно отнести к той массе слов тюркской лекси-

⁹ Там же, с. 164—165.

¹⁰ Там же, с. 122.

¹¹ В. И. Абаев, Осетинский язык и фольклор, т. I, М.-Л., 1949, с. 154.

¹² М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова, Согдийские документы с горы Муг, вып. III, 1963, с. 110.

ки, которые тюркский филолог XIII в. Махдуд Кашгарский в знаменитом «Диван-и Лугат ат-Турк» характеризует как заимствование из иранской речи дотюркского населения Туранского плоскогорья и которые были освоены тюрками, как собственно тюркские формы их лексикки.

Отмечая возможность заимствования тюрками «эр» у иранцев, мы не вправе умолчать, что в самом иранском это слово не зафиксировано и, видимо, отсутствием подходящего собственно иранского слова «воин» можно объяснить появление в персидском «ел».

Научное значение этого факта состоит, помимо всего прочего, еще и в том, что он указывает на такой важный источник материалов к этимологии «арья», каковым является древнеиранская ономастика. Начав изучение древнеиранских имен на «арья» в очерке «К вопросу об «арья» в древнеиранском обиходе», здесь мы должны продолжить поиски в том же направлении, тем более, что работа итальянского востоковеда Б. Белларди «Об имени Ари в древней Передней Азии» преследует иные цели и опирается на совершенно другие материалы¹³.

Элемент «арья» имел широкое распространение в древнеиранской ономастике, и обращаясь к вопросу о его значении в древнеиранских именах, нужно исходить из того, что имена эти в основной своей массе относятся к эпохе, когда, как говорил Ф. Энгельс, «все культурные народы переживают свою героическую эпоху»¹⁴, когда умение отсекасть голову другому признавалось высшей благодетелью человеческого существования и обусловленные этим «военно-героические» имена считались самыми достойными для подлинных ариев.

Как известно, название Кавказской Албании греческие и римские авторы восприняли от армян, у которых страна эта, в силу известной для армянской фонетики тенденции перехода «л» в картавое «г» (ср. иранское «пил» (слон) и армянское «пиг») называлась Агванк. Элемент «ал» в основе этой формы наименования Албании не вызывает сомнения, как не вызывает сомнения и то, что ей должна была соответствовать в иранском форма Аран, тем более, что эта форма зафиксирована и в арабских источниках. Но все дело в том, что дошедшие до нас сведения указывают на отличие албанского языка от иранского и его сближение с кавказскими языками. На этой основе знаменитый немецкий востоковед И. Маркварт в своем исследовании «Эраншахр» высказал убеждение, что Албания—это «определенно неарийская страна»; это убеждение именитого востоковеда привело к тому, что «арья» в основе данной формы названия Албании стало отрицаться, и на место него было принято невесть откуда взявшееся «ран», которое-де приняло на начало арабский артикл определенности «ал» и дало написание «ал-ран», но поскольку звук «л» относится к числу солнечных, ассимилируемых звуков, «ал-ран» стало «ар-ран» и дало таким путем форму Аран.

Однако, несмотря на филологическую стройность этих выкладок, их принятие упирается в тот факт, что ни в одном арабском источнике нет написания «ал-ран», но зато в них сплошь и рядом встречается «ал-Аран», указывающий на то, что форма Аран является исконной для Кавказской Албании. Это подтверждается наличием данной формы в иранских и арабских источниках. Располагая работой акад. Б. А. Дорна о данных иранских источников о Кавказской Албании, нам остается отметить, что идущее от них написание Аран проникло в иранские источ-

¹³ W. Belardi, Sul nomi Ari nell'Asia anteriore antica („Miscelanea Galbati, III, 1951, p. 55—74).

¹⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 177.

ники позднего средневековья и отразилось, например, в сочинении курдского историка XVII в. Шараф-хана Бидлисского «Шараф-наме» в рассказе об «Эмире эмиров Карабага и Ганджи в Арране»¹⁵. Кроме того, еще в раннеарабскую эпоху форма Аран из иранской исторической традиции была заимствована арабами и отразилась, в частности, в приложении В. Ф. Минорским к его «Истории Ширвана и Дербенда X—XI вв.»¹⁶ отрывке из сочинения знаменитого арабского ученого X в. Абуль-Хусейн Али Абуль-Хасан Али аль-Масуди «Мурудж ад-Дзахаб» (глава VIII), где название Кавказской Албании упомянуто много раз и всегда в форме Аран, которая встречается и у сирийского историка Псевдо-Захария Ритора (XII, 7).

Возвращаясь к вопросу об этимологии названия «алан» и, в частности, осетинского «алдар», отметим, что вопрос этот затрагивался еще русскими иранистами XIX в., которые возводили осетинский «алдар» к аналогичной форме в языке древних алан Кавказа, откуда «алдар», как полагают М. Н. Боголюбов и О. И. Смирнов, было заимствовано венграми и отразилось в венгерской феодально-аристократической ономастике¹⁷. Но, возведя осетинское «алдар» к аланам, русский иранист XIX в. В. С. Миллер среди материалов «К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях» зафиксировал сарматское имя Ардара/ка/¹⁸.

Таким образом, уже в древности скифо-аланскому «алдар» соответствовало сарматское и даже иранское «ардар». Любопытно, что обе эти формы отразились в осетинском, где осетинско-иранскому «алдар» соответствует дигорское «ардар» в том же значении. Обнаруживающееся здесь соответствие «ал»—«ар» проявляется и в том важнейшем факте, что созданное объединением древних алан государственное образование в Приаралье китайская хроника «История дома поздних Ханей» именуется Эншай (область) Аленья, а римский географ II в. Птоломей называет эту «область» Ариака.

Все эти факты указывают прежде всего на то, что наименование выделившихся в процессе разложения первобытнообщинного строя восточноиранских скифов—«ел»—у европейских скифов соответствовало «ал», и что в том и другом случае эти обозначения понятия «воин» обнаруживают тенденции перехода в «арья».

Излишне доказывать, что формируясь как незанимающийся производительным трудом военно-паразитический элемент, эти воины-алы должны были навязывать свою власть трудовому люду. Но для этого, а также для выполнения отведенной им историей роли они должны были объединяться в военно-племенные единицы, о действиях которых пишет Аммиан: «Будучи чрезвычайно легки на подъем, они иногда неожиданно и нарочно рассыпаются в разные стороны и рыщут нестройными толпами, производя страшные убийства» (XXXI, 2, 9). Несмотря на «нестройные толпы», в описанных Аммианом действиях алан нетрудно увидеть хорошо отлаженный тактический маневр отряда прошедших школу боевой выучки воинов. Эти отряды, как мы знаем по этимологии титула предводительствовавших ими «алдаров», назывались «ал».

¹⁵ Шараф-хан Бидлиссский, Шараф-наме, т. I, М., 1967, с. 189.

¹⁶ В. Ф. Минорский, История Ширвана и Дербенда X—XI вв., М., 1963.

¹⁷ М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнов, указ. соч.

¹⁸ В. С. Миллер, К иранскому элементу в припонтийских греческих надписях («Изв. Археол. комиссии», вып. 47, 1913).

Дальнейшая история этих военно-племенных объединений («ал») хорошо видна из примера эфталитов, являвшихся, как это видно из «хафт-ал», объединением семи таких «алов»-племен в одну военно-политическую организацию, на базе которой сложилась этническая общность древних эфталитов. Не менее наглядна история формирования политической и этнической общности самих аланов. Отмечая их воинственность, Аммиан указывал, что это давало аланам возможность покорять соседей и навязывать им свое господство, и теперь все они называются аланами, но не потому, что являются аланами по происхождению, а за одинаковый, как пишет Аммиан, «обычай, дикий образ жизни и одинаковое вооружение» (XXXI, 2,17).

Обобщая рассмотренные факты, можно сказать, что мы имеем возможность наблюдать, как в процессе разложения первобытнообщинного строя сако-массагетских племен Туранского плоскогорья шел процесс «аланообразования», когда складывающейся внутри родового общества военно-аристократический элемент, выделяясь из народа, формировался в военно-аристократическое сословие, выступавшее в роли, как бы сказал Ф. Энгельс, «исторически активного класса» процессов политической и этнической консолидации степного населения Туранского плоскогорья, вошедшего в историю, по наименованию этого сословия, под названием «аланов». Весьма важно при этом подчеркнуть, что такую пивилегированную роль аланы сыграли по отношению не только к сако-массагетам Приаралья, — разложение первобытнообщинного строя скифов-дахов северных предгорий хорасанских Голубых гор и здесь сопровождалось «аланообразованием», когда, выделившись в военно-аристократическое сословие, аланы выступали создателями Дахского союза — образования столь могущественного, что китайская «История династии ранняя Хань» даже Бактрию называла Дахью.

Нечто аналогичное этому происходило и среди скифов Северного Причерноморья, материалы о которых были собраны В. В. Латышевым в публикации «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе»¹⁹. Располагая исчерпывающим исследованием Ю. Кулаковского²⁰, мы можем ограничиться указанием на то, что разложение первобытнообщинного строя причерноморских скифов и здесь сопровождалось «аланообразованием», когда сформировавшиеся как военно-аристократическое сословие аланы возглавили здесь знаменитое Сарматское объединение племен.

Из этих фактов спонтанности аланства в трех отдельных, достаточно удаленных друг от друга районах, население которых не имело этнических связей между собой, со всей определенностью следует не этническая, а именно социально-историческая природа аланства, — в той мере, в какой аланство, как отмечалось, соответствует аризм, в той же мере вывод о социально-исторической природе аланства может быть распространен и на аризм. Сюда же нужно отнести и то важное наблюдение, что во всех трех случаях аланство было порождено процессом разложения первобытнообщинного строя кочевников степных пространств Евразии. Вытекающий отсюда вывод, что и аризм порожден тем же процессом разложения первобытнообщинного строя и образования общества классовых отношений, перекликается с одним важным наблюдением

¹⁹ «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе», собр. В. В. Латышев, т. I—II, СПб., 1890—1906.

²⁰ Ю. Кулаковский, Аланы по сведениям классических и византийских писателей, Киев, 1899.

Ф. Энгельса в связи с его утверждением, что-де «германцы были, особенно тогда, высокоодаренной ветвью арийской группы и притом находившейся в полном расцвете жизненных сил»²¹.

Воспринимая важнейшие достижения современной ему индоевропеистики, Ф. Энгельс отметил все наносное в ней и претенциозное. Сюда относится, в частности, тенденция локализации прародины индоевропейцев в северо-западной Европе,—говоря о формировании очагов скотоводческого хозяйства древних европейцев, Ф. Энгельс указывает на «травянистые равнины Индии, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Дона и Днепра». Одновременно с этим для Ф. Энгельса лишалась смысла тенденция отождествления индоевропейцев—«ариев» с нордическим элементом, а вместе с ней и вытекающие из этой тенденции расистские воззрения на арийскую проблему. Здесь мы подошли к тому важнейшему для нас положению во взглядах Ф. Энгельса на германских «ариев», когда, отмечая их выдающуюся роль в разгроме Римской империи и освобождении Европы от рабовладельческого ига и открытия перед ней возможности перехода к феодализму,—все это Ф. Энгельс объясняет не «их специфически национальным (точнее было бы сказать: расово-этническими.—Г. А.) особенностями, а просто их варварством»²².

Как видно, в оценке исторической роли германских «ариев» в истории Европы Ф. Энгельс переносит центр тяжести из расово-этнологической области в область социально-исторической ступени развития, и поскольку он говорит о «варварстве» древних германцев, мы обязаны уточнить, что речь идет о варварстве не вообще как таковом, а той его высшей ступени, на которой германцев застал римский историк I—II вв. Тацит с его «Гермаикой» и которая, как отмечает Ф. Энгельс, характеризуется разложением первобытнообщинного строя и переходом общества к цивилизации²³. Наблюдая этот процесс у восточноиранских скифов-массагетов, мы имели возможность проследить некоторые особенности того, вызванного им, процесса социальной дифференциации, который характеризовался выделением из недр общества профессионализирующихся на военном деле воинов—«алов», которые консолидировались в военно-аристократическое сословие «алан», выступившее «исторически активным классом» процессов политической и этнической консолидации восточноиранского населения, ставшего по названию этого сословия именоваться «алан».

Изучая алан, мы имели возможность убедиться также в том, что восточноиранское «аланство», как социально-историческое явление, соответствует иранскому «аризму», и здесь уместно подчеркнуть обуславливаемую этим правомерность применения общих закономерностей истории к изучению арийской проблемы, тем более, что арии в роли, как их оценивают едва ли не все исследователи, военно-аристократического сословия весьма схожи с аланами. Во всяком случае, буржуазная наука немало сделала для доказательства ведущей роли ариев в создании и развитии древнеиранской цивилизации. Правда, установив этот факт, буржуазная наука не смогла ему найти материалистического объяснения и вынуждена была поэтому прибегнуть к расистским концепциям существования особой расы индоевропейских ариев, «избранных богом» покорять народы других, «низших» рас и цивилизовать их. Конечно,

²¹ К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. 21, с. 154.

²² Там же, с. 176.

²³ Там же, с. 33.

эти досужие представления внесли в арийскую проблему немало путаницы и антинаучной тенденциозности. Однако это не отвергает ни факта существования ариев, ни их роли в истории древнеиранской цивилизации, и если удастся освободить арийскую проблему от расистских концепций, окажется, что дело не в том, будто древнеиранскую цивилизацию создали пресловутые арийцы, а в том, наоборот, что древнеиранская цивилизация создала ариев в том смысле, что процесс разложения первобытнообщинного строя населения Иранского нагорья сопровождался формированием того военно-аристократического элемента, который на индо-иранской этнической и лингвистической почве получил название «арья» и который выступил «исторически активным классом» процессов создания и развития древнеиранской цивилизации.

ԱՐԻՍ—ԱՂԱՆԱԿԱՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՄԱՍԻՆ

ԳՈՒՐԳԵՆ ԱԿՈՊՈՎ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Արիական պրոբլեմը, թեև մեկուկես հարյուրամյակ է, ինչ գտնվում է մասնագետների ուշադրության կենտրոնում, սակայն դրական լուծում դեռևս չի ստացել: Դրա պատճառներից մեկն այն է, որ իրանական արիդը ուսումնասիրվել է մյուս հին ժողովուրդների մոտ եղած պատմականորեն համանման երևույթներից անջատ: Այդ նեղ մոտեցումը հաղթահարելու համար անհրաժեշտ է արիա-իրանական պրոբլեմը հետազոտել արևելաիրանական ավանների մասին եզած տեղեկությունների հետ համադրելով: Առաջ քաշելով արիա-ալանական հարաբերությունների խնդիրը, անհրաժեշտ է մեկնակետ ունենալ այն, որ ավանները նույնպիսի իրանալեզու ժողովուրդ են, ինչպես Մարաստանի և Պարսկաստանի հին արիացիները: Հատուկ նշանակություն է ստանում, ընդ սմին, այն հանգամանքը, որ ըստ պատմահամեմատական լեզվաբանության տվյալների՝ հնդիրանական «արիան» կարելի է մոտեցնել այն ելակետային հիմքին, որից առաջացել է ավան անվանումը: Դա հնարավորություն կստացի արկածաշունչ, որ արիականությունն ու ալանականությունը պատմական միևնույն դարաշրջանի, պատմական միևնույն պրոցեսների արդյունք են, այն տարբերությամբ միայն, որ արիականությունը երկրագործական մշակույթի հետևանք է, իսկ ալանականությունը հանդես է եկել Թուրանական սարահարթի տափաստանաբնականների անասնապահական տնտեսության և քոչվոր կենցաղի պայմաններում: